

В стремительном темпе головокружительные успехи Всеслава сменяются катастрофами, которые затем снова превращаются в блестящие победы.

Хитростями ворвавшись в Киев, Всеслав коснулся копьем златого великокняжеского престола. Под покровом ночи исчез он из Белгорода, а наутро секирами отворил ворота Великого Новгорода. Разбив славу Ярослава, Всеслав сам был разгромлен на Немиге. И так далее. Днем в образе человека, а ночью лютым зверем рыскал полоцкий князь по Русской земле.

Стремительность превращений, смена успехов и неудач мечущегося по всей стране Всеслава Брячиславича никак не укладывается в рамки мону-ментального историзма — основного направления христианско-феодалного искусства XI—XIII вв.

Одной из главных добродетелей князя, с точки зрения искусства того времени, было искусство военачальника, соединенное с личной храбростью и честностью.⁴ В сражении, на охоте князь первым бросается в бой, увлекая за собой дружину. Летописец восхищается благородством и мужеством великого князя Святослава Игоревича, который, будучи еще ребенком, первым бросал копье во время боя, по-рыцарски объявлял врагам о своем намерении начать против них боевые действия.⁵

Симпатии русских были бы на стороне прямого и храброго Ильи Муромца, а не Алеши Поповича, действовавшего больше хитростью, чем богатырской силой.

Не таков Всеслав в представлении автора «Слова». Рассматривая Всеслава как исключительную для своего времени личность, причину его успехов автор видит в хитрости полоцкого князя. Хитростями достиг Всеслав киевского престола, таинственно под покровом ночи бежал он из-под Белгорода, покинув по неясным для нас причинам киевское ополчение перед боем с войсками Изяслава и его союзника польского короля Болеслава. Хитрым называет Всеслава вещий Боян. От себя автор добавляет, что в «дръзѣ тѣлѣ» Всеслава обитала «вещая» душа, которая обеспечивала ему успехи и победы.

Князья в летописях не знают душевной борьбы, внутренних переживаний. В летописях нельзя проследить «душевного развития» героя, раздвоения личности. Психология вообще не интересует художников и писателей. Князь есть лицо официальное и в качестве такового он не может иметь внутренней личной жизни. Даже тогда, когда летописец говорит о внутренних колебаниях князя, оказывается, что он просто взвешивает все обстоятельства, все «за» и «против», а не испытывает нерешительности.⁶

Образ Всеслава много сложнее. Он весь в смятении, во внутренней борьбе. Заключительным аккордом звучат слова автора, что хотя и вещая душа обитала в дерзком теле Всеслава, но он часто страдал от бед. Такое утверждение тем более странно, что биография Всеслава — это биография одной из самых ярких личностей XI в., крупного политического деятеля, при котором Полоцкая земля достигла своего расцвета. Образ Всеслава произвел огромное впечатление на современников и надолго остался в памяти потомков. И, оказывается, такой человек глубоко страдал от бед.

Далеко не строго следует Всеслав требованиям феодальной чести, нормы которой были детально разработаны на страницах русских летописей, воинских повестей и других памятников литературы того времени.⁷

⁴ Там же, стр. 39, 65.

⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стлб. 58, 64—65.

⁶ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 33.

⁷ Там же, стр. 39.